

Ледяной трон для огненной

Залевская Анна

Анна Залевская

Ледяной трон для огненной

«Автор»

2026

Залевская А.

Ледяной трон для огненной / А. Залевская — «Автор», 2026

Меня, Киру из рода Огненных лордов, выдают замуж за Ледяного принца. За того самого Эйнара, у которого вместо сердца — сосулька, а вместо улыбки — трещина во льду. Он называет меня дикаркой. Я обещаю превратить его замок в сауну. Три месяца в ледяном аду. Три месяца колкостей, ревности и опасных приключений. Древнее проклятие, заговор, поход к Сердцу Вьюги — и всё это вдвоём с тем, кого я терпеть не могу. Но чем ближе катастрофа, тем сложнее помнить, что он мой враг. А когда лёд начинает таять, становится по-настоящему жарко. От ненависти до любви — один шаг.

© Залевская А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Свадебный марш под аккомпанемент проклятий	5
Глава 2. Трон, на котором не сидят	10
Глава 3. Этикет как повод убийства	16
Глава 4. Гости из древних лесов	21
Глава 5. Спасибо, что живой	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Анна Залевская

Ледяной трон для огненной

Глава 1. Свадебный марш под аккомпанемент проклятий

Никогда не доверяйте людям, которые приходят с хорошими новостями. Хорошие новости — это почти всегда замаскированная катастрофа. Например, когда вам говорят: «Ты выходишь замуж за принца!», это звучит как начало сказки. Но на деле это конец. Конец тёплому морю, конец свободной жизни, конец возможности просыпаться тогда, когда хочется, а не тогда, когда этикет требует. И главное — конец здравому смыслу. Потому что нормальный человек не женится на ледяной статуе. А меня вот сосватали. За Ледяного принца. За Эйнара из Северного королевства, которое на картах обозначено как «Снежный предел», а в моей голове — как «место, где даже сопли замерзают».

Гонец прибыл утром. Я как раз пыталась убедить Огонька, что поджигать завтрак — не лучший способ выразить недовольство меню. Саламандра сидела на краю тарелки и чихала искрами в омлет, превращая его в угли. Утро, в общем, было обычным.

— Госпожа Кира из рода Огненных лордов! — провозгласил гонец, вытягиваясь в струну. Вид у него был такой, будто он неделю скакал без остановки. Пыльный, уставший и с выражением лица «пожалуйста, не убейте меня за новости».

— Это я, — согласилась я, отодвигая подгоревший омлет. — А вы, судя по гербу, из Северного королевства. У вас там пожар? Или ледяной потоп?

— У нас... брачный договор, — выдохнул он.

Я моргнула.

— Чей?

— Ваш, госпожа. И его высочества принца Эйнара.

В комнате повисла тишина. Даже Огонёк перестала чихать и уставилась на гонца своими бирюзовыми глазами-бусинами. А потом медленно, с наслаждением, пустила струйку дыма в его сторону.

— Что, простите? — переспросила я, хотя всё прекрасно расслышала.

— Брачный договор, — повторил гонец и протянул свиток. — Подписан королём Альриком и Советом Огненных лордов. Для прекращения многовековой вражды и установления мира между Севером и Югом. Свадьба через три месяца.

Я взяла свиток. Он был холодным. Буквально холодным — от него тянуло морозом, как от открытой двери в зиму. Я развернула пергамент и пробежала глазами по строкам. Красивые, витиеватые буквы. Куча официальных слов. Печати. Подписи. Всё по-настоящему.

— Огонёк, — сказала я спокойно. — Можно мне вазу?

Саламандра с готовностью подтолкнула хвостом ближайшую вазу — ту, что стояла на подоконнике. Я взяла её, взвесила в руке и швырнула в стену. Гонец вздрогнул, но не отшатнулся. Видимо, привык.

— Спасибо, — сказала я. — Легче не стало, но красиво разлетелась.

— Понимаю ваши чувства, госпожа, — осторожно произнёс он. — Но договор уже подписан. Отказ означает войну.

— Войну? — я расхохоталась. — Из-за меня? Из-за одной девушки?

— Из-за принципа, госпожа. И из-за магии. Союз Огня и Льда скрепит границы и останавливает столкновения. Так сказано в пророчестве Ледяных магов.

Пророчество. Ну конечно. Всё всегда упирается в какое-нибудь древнее пророчество. У нас на Юге тоже было пророчество — про то, что Огненные лорды однажды сожгут небо. Никто его не исполнил, небо до сих пор на месте, но старухи любят вспоминать его к месту и не к месту.

— Ладно, — сказала я, потирая виски. — Дайте мне минуту. Или час. Или год.

Гонец вежливо поклонился и вышел. А я осталась сидеть за столом, глядя на остывший омлет и думая о том, как жизнь умеет бить под дых. Ледяной принц. Тот самый Эйнар, которого на Юге называли не иначе как «Снежный принц без сердца». Холодный, надменный, с глазами как льдины и голосом как скрип снега под сапогами. Я никогда его не видела, но слухов хватило, чтобы составить мнение. Мнение было коротким: «Чур меня».

Огонёк забралась мне на плечо и лизнула ухо горячим язычком.

— Знаю, — вздохнула я. — Ты его тоже невлюбишь.

Саламандра чихнула искрой, и на скатерти появилась маленькая дырочка. Я мысленно занесла это в список будущих расходов.

Сборы в Северное королевство напоминали подготовку к военному походу. Я перебирала гардероб и понимала: всё, что у меня есть, категорически не подходит. Лёгкие туники, кожаные штаны, сандалии, открытые платья — в этом я замёрзну насмерть ещё на подъезде. Пришлось срочно заказывать у портных что-то более тёплое, хотя местные мастера не очень понимали слово «тепло». У нас на Юге тепло — это когда накидываешь шаль поверх платья. На Севере тепло — это когда на тебе три слоя меха и ты всё ещё стучишь зубами.

— Может, тебя просто похитить? — предложил Рэн, заглянув на огонёк. Буквально — он вошёл, когда я в сердцах подохла очередной неподходящий наряд. Огонёк сидела на спинке стула и блаженно шурилась на пламя.

— И что дальше? — хмыкнула я. — Спрячешь меня на корабле? Война начнётся.

— Ну и пусть, — Рэн широко улыбнулся. — Зато ты не выйдешь за ледяного истукана. Я видел его портрет. Симпатичный, но взгляд такой, будто он прямо сейчас прикидывает, как тебя заморозить.

— Спасибо, утешил.

— Обращайся, искра моя.

Рэн обнял меня за плечи, и я на секунду позволила себе расслабиться. Он был моим другом с детства — мы вместе росли, вместе учились, вместе попадали в неприятности. Он был пиратом, контрабандистом и человеком, который никогда не унывал. И сейчас он смотрел на меня с искренним беспокойством, хоть и прятал его за шутками.

— Если что, — сказал он тихо, — я приплыву за тобой. Просто дай знак.

— Какой?

— Ну, подпали что-нибудь. Я издалека увижу.

Я фыркнула и ткнула его локтем в бок. Но на душе стало чуть теплее.

Прощальный ужин устроили на террасе с видом на море. Как будто специально, чтобы я в последний раз насладилась тем, что люблю: закат, солёный ветер, крики чаек. Я сидела в окружении родных и друзей, ела жареную рыбу и пыталась улыбаться. Получалось плохо.

Огонёк, как всегда, украла кусок рыбы и устроила пикник прямо на скатерти. Никто уже не обращал внимания — все привыкли, что саламандра ведёт себя как хозяйка положения. Она вообще считала себя огромным драконом, просто временно компактным. И вела себя соответственно: царственно, нагло и с полным пренебрежением к чужим правилам.

— Кира, — мама села рядом и взяла меня за руку. — Ты справишься.

— Конечно, справлюсь, — кивнула я. — Вопрос в том, в каком состоянии будет их замок, когда я оттуда уеду.

— Постарайся, чтобы он уцелел. Всё-таки тебе там жить.

— Вот именно.

Мама вздохнула, но в глазах у неё плясали смешинки. Она знала мой характер. Знала, что я не сломаюсь. Но и знала, что без приключений не обойдётся. Огонёк подтвердила это, пустив струйку дыма в небо — получилось похоже на сигнал бедствия.

На следующее утро я стояла на палубе корабля, глядя, как удаляется родной берег. Солнце, море, пальмы — всё оставалось позади. Впереди был Север. Холод. И Ледяной принц.

— Не дрейфь, — сказала я сама себе. — Ты Огненная. Ты сможешь.

Огонёк на плече согласно чихнула и подпалила мне прядь волос. Я зашипела и потушила искры ладонью.

— Спасибо за поддержку, мелочь.

Саламандра довольно застрекотала.

Путь до Северного королевства занял две недели. Сначала морем, потом по реке, потом в карете по замёрзшим дорогам. С каждым днём становилось всё холоднее. Я куталась в меха, которые мне выдали ещё на корабле, но холод всё равно пробирался под одежду, щипал щёки, заставлял пальцы неметь. Огонёк, наоборот, чувствовала себя прекрасно — холод она просто игнорировала, а при необходимости могла согреть меня своим теплом. Ночами она забиралась ко мне под одеяло и работала живой грелкой. Единственное, что меня спасало.

Пейзаж за окном кареты менялся. Зелёные поля сменились серыми равнинами, потом — снежными просторами, уходящими за горизонт. Деревья стали чёрными и голыми, а потом и вовсе исчезли. Только снег, лёд и бесконечное белое небо.

— Как они тут живут? — бормотала я, вглядываясь в окно. — Тут даже солнца нет.

— Привыкают, — ответил кучер, северянин с густой бородой и смешливыми глазами.

— У нас тут, госпожа, или привыкаешь, или замерзаешь.

— Ясно. Значит, у меня два варианта?

— Ну, есть ещё третий: выйти замуж и греть мужа. Говорят, огненные жёны очень этому способствуют.

Я подавилась воздухом. Кучер хохотнул, но тут же осёкся, заметив мой взгляд.

— Прошу прощения, госпожа. Не хотел обидеть.

— Да ладно, — вздохнула я. — Я уже поняла, что быть огненной женой — моя новая работа.

Замок появился внезапно. Огромный, величественный, он вырос из снежной равнины, как гигантская сосулька. Серый камень, острые башни, крыши из голубоватого льда, который, кажется, никогда не таял. Стены отражали скудный северный свет, переливаясь холодными оттенками. Ни одного яркого пятна. Ни одного тёплого цвета. Только серый, голубой, серебристый.

— Огонёк, — прошептала я, — мы в аду.

Саламандра высунула голову из-под моего плаща, осмотрела замок и чихнула искрами. Искры упали на сиденье кареты и оставили маленькие подпалины. Я машинально затушила их ладонью, не отрывая взгляда от замка.

Карета миновала ворота. Внутренний двор был огромным и пустым. Слуги в серых одеждах сновали туда-сюда, но казались частью декораций — такими же безликими и бесцветными. Меня встретили стражники в стальных доспехах, вытянувшиеся по стойке смирно. Они смотрели на меня как на диковинного зверя — с любопытством и опаской. Ещё бы: южанка, огненная, с живой саламандрой на плече. Такого в Ледяном замке, наверное, не видели со времён основания.

— Госпожа Кира, — произнесла высокая седовласая женщина, выходя вперёд. — Добро пожаловать в Северное королевство. Я магистр Ингрид, хранительница замка. Прошу за мной.

Я ожидала увидеть суровую старуху с ледяным взглядом, а увидела невысокую женщину с острыми глазами и ворчливым ртом, закутанную в бесчисленные шали. В руках она держала клюку, которая при ближайшем рассмотрении оказалась замаскированным магическим посохом. Очки сползли на кончик носа, и она поправила их, не переставая меня разглядывать.

— Хм, — сказала Ингрид, обойдя меня по кругу. — Огонька в тебе хватит на весь этот могильник. Это хорошо. Принц будет в ярости.

— Простите? — я не поняла, комплимент это или предупреждение.

— Он ненавидит всё яркое, — пояснила Ингрид. — А ты сияешь, как пожар в ночи. Это прекрасно. Пошли.

И она зашагала к замку, постукивая клюкой. Я поспешила за ней, мысленно делая пометку: «Ингрид — возможно, единственный адекватный человек в этом месте». Огонёк на плече принималась к новым запахам и недовольно фыркала. Пахло тут и правда странно: холодный камень, замёрзшая вода, металл и что-то ещё, неуловимое. Магия? Или просто вековая пыль?

Внутри замок оказался ещё холоднее, чем снаружи. Каменные стены, высокие потолки, гобелены с ледяными пейзажами, факелы, которые горели не огнём, а холодным голубоватым светом. Я поёжилась.

— Почему у вас факелы не греют? — спросила я.

— Это магический свет. Он не обжигает и не вызывает пожаров. В замке, построенном из льда и камня, это важно.

— Понятно. Скучно.

Ингрид хмыкнула и ничего не ответила. Мы миновали длинный коридор, потом ещё один, поднялись по лестнице и оказались перед огромными дверями. За ними, судя по гулу голосов, находился тронный зал.

— Приготовься, — сказала Ингрид, останавливаясь. — Сейчас тебя представят двору. И ему.

— Давайте без «ему», — попросила я. — Я ещё не готова.

— Все так говорят, — отмахнулась Ингрид и распахнула двери.

Тронный зал был огромным. Высокие колонны из голубоватого льда, сводчатый потолок, уходящий в темноту, и трон. Ледяной трон. Он стоял на возвышении, сверкая и переливаясь в холодном свете факелов. Огромный, резной, с подлокотниками в виде волчьих голов. На троне сидел человек. Даже отсюда, с другого конца зала, я видела только белые волосы и прямую спину. Но мне хватило этого, чтобы сердце сжалось.

Вдоль стен стояли придворные. Десятки людей в серых, синих и серебристых одеждах. Все смотрели на меня. Кто-то с любопытством, кто-то с холодным презрением, кто-то с открытым страхом. Я чувствовала их взгляды кожей, и это было неприятно. Огонёк на плече надулась и распушила огненные перья воротничка — её способ показать, что она тут главная.

— Кира из рода Огненных лордов, — провозгласил церемониймейстер, и его голос эхом разнёсся по залу. — Невеста его высочества принца Эйнара.

Я шагнула вперёд. И тут же пожалела об этом, потому что Огонёк решила, что пора показать себя. Она прыгнула с моего плеча и, цокая коготками по каменному полу, направилась прямо к трону.

— Огонёк, нет! — прошептала я, но было поздно.

Саламандра с достоинством королевы прошествовала через весь зал, поднялась по ступеням и уселась прямо на Ледяной трон. На мгновение в зале повисла мёртвая тишина. А потом раздалось шипение. Лёд под чешуёй саламандры начал таять, оставляя маленькую лужицу.

Придворные ахнули. Кто-то вскрикнул. Церемониймейстер побледнел. А человек на троне медленно встал.

Теперь я увидела его лицо. Пепельно-белые волосы, собранные в низкий хвост. Резкие, точеные черты. Высокие скулы. Губы, сжатые в тонкую линию. И глаза — холодной голубизны, с серым отливом, как льды на изломе. Они смотрели на Огонька с выражением, которое я не сразу смогла расшифровать. А потом — на меня.

Принц Эйнар, Снежный принц без сердца, мой будущий муж.

— Так это и есть моя невеста? — произнёс он, и его голос оказался именно таким, как я представляла: холодным, ровным, с лёгкой ноткой брезгливости. — Выглядит... шумно.

В зале кто-то нервно хихикнул. Я почувствовала, как внутри закипает знакомое пламя.

— А вы, стало быть, жених? — ответила я, растягивая губы в самой сладкой улыбке, на какую была способна. — Выглядите так, будто вас только что из холодильника достали.

Смешки стихли. Эйнар медленно, очень медленно повернулся ко мне. Его глаза потемнели до штормового океана. Огонёк на троне, почуяв напряжение, чихнула искрами в сторону принца. Прицельно.

Эйнар отдернул руку и посмотрел на меня так, будто это я заставила саламандру плеваться.

— Убери эту ящерицу, — процедил он.

— Она не ящерица, — возразила я, подходя ближе. — Она саламандра благородных кровей. И между прочим, это её трон теперь. Она его нагрела. По праву огня.

Огонёк, подтверждая мои слова, снова чихнула и оставила на троне ещё одну подпалину. Придворные замерли. Кто-то из стражников сдавленно кашлянул. Ингрид, стоявшая в стороне, тихо хмыкнула.

Эйнар смотрел на меня с выражением, которое обещало долгую и мучительную жизнь. А я смотрела на него и думала о том, что этот брак будет либо самой большой ошибкой моей жизни, либо самым весёлым противостоянием в истории обоих королевств.

Судя по тому, как горели его глаза, он думал о том же.

— Добро пожаловать на Север, — произнёс он наконец, и это прозвучало как самое изощрённое проклятие.

— Спасибо за тёплый приём, — ответила я, улыбаясь ещё шире. — Ой, простите, оговорила. За ледяной.

Где-то в задних рядах Ингрид откровенно заржала. Это был единственный тёплый звук в этом ледяном склепе. И он дал мне надежду, что не всё потеряно. Может, и выживу. Может, даже не убью его до свадьбы.

Но ничего не обещаю.

Глава 2. Трон, на котором не сидят

Тишина после моей фразы о «ледяном приёме» висела в зале, как сосулька над головой — тяжёлая, острая и обещающая неприятности. Мы с Эйнарм стояли друг напротив друга, и воздух между нами буквально трещал. В прямом смысле: Огонёк на троне пускала дымные колечки, и они сталкивались с ледяными кристаллами, которые, кажется, самопроизвольно возникали вокруг принца. Физика этого процесса была мне неведома, но выглядело эффектно.

Первым не выдержал церемониймейстер. Тот самый, который объявлял мой выход с таким пафосом, будто я как минимум спасительница мира. Теперь он выглядел так, словно мир рушился прямо у него под ногами, а он забыл слова заклинания.

— Ваше высочество, госпожа Кира, — пролепетал он, теребя край своего серебристого одеяния, — возможно, стоит продолжить церемонию в более... спокойной обстановке?

— Церемонию? — переспросила я, не сводя глаз с Эйнара. — А что, разве она уже началась? Я думала, это просто разминка.

Принц медленно, очень медленно выдохнул. Из его рта вырвалось облачко пара. Не знаю, была ли это магия или просто температура в зале стремилась к минусовой, но выглядело внушительно.

— Церемония представления завершена, — произнёс он ледяным тоном, каким, наверное, объявляют смертные приговоры. — Госпожа Кира может проследовать в свои покои. Магистр Ингрид проводит.

— Сама дойду, — бросила я. — Мне карту только дайте. Или у вас тут везде тупики из льда?

— У нас тут везде порядок, — отрезал Эйнар. — Советую привыкнуть.

— К порядку или ко льду?

— Ко всему.

Он развернулся и пошёл прочь. Плащ взметнулся за спиной серебристым крылом. Придворные расступались перед ним, как льдины перед носом корабля. Я смотрела в эту прямую, надменную спину и думала о том, что три месяца — это очень долго. Особенно когда твой жених — ходячий холодильник с манией величия.

Огонёк наконец соизволила спрыгнуть с трона. Она приземлилась на каменный пол с мягким стуком, потянувшись, как кошка после долгого сна, и оглянулась на трон. На сиденье осталась маленькая лужица растаявшего льда и пара подпалин. Саламандра удовлетворённо чихнула и затрусила ко мне.

— Нагулялась? — спросила я, наклоняясь и подставляя плечо.

Огонёк забралась на своё законное место и устроилась там с видом победительницы. Её огненные перья воротничка всё ещё топорщились — верный признак того, что она страшно собой горда.

— Ну ты и наглая, — шепнула я ей. — Мне б такую уверенность.

Саламандра лизнула меня в ухо горячим язычком, и я восприняла это как «обращайся, научу».

Ингрид возникла рядом неожиданно. Она вообще двигалась странно для своего возраста — не ходила, а будто проявлялась из воздуха, как призрак, которому лень пугать, но скучно сидеть на месте.

— Впечатляет, — сказала она, кивая в сторону удаляющегося принца. — Обычно он не уходит первым. Ты его разозлила.

— Я? — я сделала невинное лицо. — Я просто поздоровалась.

— Именно это меня и впечатляет.

Ингрид хмыкнула, поправила очки на носу и зашагала к выходу из зала, постукивая клюкой. Я пошла за ней, чувствуя на себе взгляды придворных. Кто-то смотрел с ужасом, кто-то — с любопытством, а один пожилой лорд в сером — с откровенным презрением. Я запомнила его лицо: белые волосы, гладкая кожа, глаза цвета талой воды. Он стоял в стороне от остальных, и от него веяло холодом даже по местным меркам. Огонёк, почуяв мой интерес, повернула голову в его сторону и тихо зашипела.

— Кто это? — спросила я Ингрид шёпотом.

— Лорд Фрост, — ответила она, не оборачиваясь. — Глава Ледяного Совета. Правая рука короля. И, если верить слухам, человек, который больше всех не хотел этого брака.

— Чудесно. Значит, у меня уже есть враги. Я на новом месте меньше часа, а уже рекорд.

— Привыкай. Ты южанка, огненная и к тому же дерзишь принцу. К завтрашнему утру у тебя будет ещё пара врагов. К обеду — целая коллекция.

— Буду собирать, — пообещала я. — У меня как раз альбома нет.

Ингрид коротко хохотнула, и я окончательно поняла, что эта женщина мне нравится.

Коридоры Ледяного замка были бесконечными. Мы шли мимо каменных стен, увешанных гобеленами с зимними пейзажами, мимо высоких окон, за которыми кружил редкий снег, мимо дверей, обитых железом с узорами инея. Факелы горели холодным голубым светом, и я снова поёжилась.

— Почему у вас всё такое... негреющее? — спросила я, обхватывая себя руками. — Это же замок, а не склеп. Тут люди живут.

— Люди привыкают, — пожала плечами Ингрид. — А магический свет безопаснее. Обычный огонь может выйти из-под контроля. А у нас тут лёд, вода, магия — сама понимаешь.

— Понимаю. Но всё равно скучно.

— Ничего, ты тут ненадолго, — усмехнулась Ингрид. — Через три месяца или выйдешь замуж и заведёшь свои порядки, или сбежишь. В любом случае скучно не будет.

— С чего вы взяли, что я сбегу?

— С того, что ты похожа на человека, который не любит, когда ему указывают. А тут тебе будут указывать постоянно.

Я промолчала. Потому что Ингрид была права.

Мои покои оказались в восточной башне. Высокая дверь, обитая серебристым металлом, вела в круглую комнату с огромным окном во всю стену. За окном простиралась снежная равнина, переходящая в замёрзший лес, а дальше — горы, белые и острые, как зубы дракона. Вид был захватывающий, но холодный до дрожи.

В комнате стояла огромная кровать с балдахином из тёмно-синего бархата, резной шкаф, туалетный столик и камин. Камин! Я чуть не застонала от облегчения. Но, подойдя ближе, увидела, что в камине горят всё те же холодные голубые факелы.

— Вы издеваетесь? — вырвалось у меня. — Даже камин не греет?

— Магический, — кивнула Ингрид. — Для красоты. Но ты можешь попросить принести жаровню. Или грелку.

— Грелку?

— Меховой мешок с горячей водой. Очень популярная вещь на Севере.

— На Севере популярна печка, — проворчала я. — И тёплый плед. И горячий чай. И возможность не превратиться в сосульку к утру.

— Чай принесут, — пообещала Ингрид. — И ужин. Располагайся.

Она направилась к выходу, но у двери обернулась.

— Да, и вот ещё что. Если ночью услышишь стук в дверь — не пугайся. Это не призрак, это, скорее всего, Бринья.

— Кто?

— Наша младшая травница. Она живёт в соседней башне и имеет привычку бродить по замку в неурочные часы. То ли лунатизм, то ли очередной эксперимент — никто не разобрался. Но она безобидная. Даже полезная. Если что заболит — она мигом вылечит. Или усыпит. Тут уж как повезёт.

Ингрид ушла, а я осталась стоять посреди комнаты, переваривая информацию. Травница-лунатик. Магический камин, который не греет. Ледяной принц, который смотрит как на таракана. Лорд Фрост, который ненавидит меня за сам факт моего существования. И трёхмесячный срок, за который я должна либо влюбить в себя эту сосульку, либо спровоцировать войну.

— Огонёк, — сказала я, оглядываясь, — кажется, мы влипли.

Саламандра уже деловито обследовала комнату. Она обнюхала шкаф, залезла на кровать, оставив на покрывале пару подпалин (привыкайте, северяне), и теперь сидела на подоконнике, глядя на снег с выражением глубочайшего презрения.

— Понимаю, — кивнула я. — Снег — это личное оскорбление. Но что поделать.

Я стянула сапоги и села на кровать. Перина оказалась мягкой, но холодной, будто её только что внесли с улицы. Я закуталась в собственный плащ и стала ждать обещанный ужин.

Ужин принесла служанка — молчаливая девушка в сером платье с подносом. На подносе обнаружились: тарелка густой похлёбки, ломоть тёмного хлеба, кусок сыра и кувшин с чем-то горячим, пахнущим травами. Никакого мяса, никаких специй, никаких ярких вкусов. Я попробовала похлёбку — она была тёплой, но пресной, как всё вокруг.

— Они тут вкус не признают? — спросила я у Огонька. — Или это специально, чтобы я страдала?

Саламандра понюхала похлёбку и чихнула в неё искрами. Похлёбка зашипела и приобрела лёгкий запах дыма. Я вздохнула и всё равно съела — дым хоть какой-то аромат добавил.

Ночь наступила быстро. На Севере вообще всё происходило быстро: закат сменялся тьмой за какие-то минуты, тепло уходило мгновенно, а моё настроение падало с той же скоростью, с какой Огонёк поджигала шторы. Я лежала в холодной постели, смотрела в тёмный потолок и думала о море. О тёплом море, которое сейчас, наверное, тихо плещется о песчаный берег, подсвеченное луной. О криках чаек. О солёном ветре. О жаре, от которого плавится воздух.

Здесь не было ничего из этого. Здесь был холод, тишина и чужой замок, где меня никто не ждал.

Огонёк приползла ко мне под одеяло и устроилась под боком, излучая живое тепло. Я благодарно погладила её по чешуйчатой спинке.

— Хорошая моя, — прошептала я. — Хоть ты у меня есть.

Саламандра застрекотала что-то успокаивающее и уткнулась носом в мою ладонь.

Стук в дверь раздался около полуночи. Я как раз начала проваливаться в сон, но тут же подскочила на кровати, хватаясь за кинжал. Огонёк надулась и зашипела в темноту.

— Кто там? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо.

— Свои! — раздался звонкий девичий голос. — Ну, почти свои. Вообще-то я не знаю, можно ли меня считать своей, но я с добрыми намерениями!

Я помедлила, но всё-таки встала и открыла дверь. На пороге стояла девушка примерно моего возраста — невысокая, круглолицая, с растрёпанной косой пшеничного цвета и огромными зелёными глазами, которые горели любопытством. В одной руке она держала банку с чем-то дымящимся, в другой — пучок сушёных трав, перевязанных бечёвкой. Платье её было перепачкано чем-то подозрительно зелёным, а на носу красовалось пятно сажи.

— Бринья? — догадалась я.

— О! Меня уже знают! — она просияла. — Это прекрасно. Можно войти? Я принесла мазь от обморожения. Ингрид сказала, что ты мёрзнешь.

— Я мёрзну, — согласилась я, отступая от двери. — Заходи.

Бринья влетела в комнату с энтузиазмом урагана. Она мгновенно оказалась у камина, пощупала холодные факелы, фыркнула что-то нелестное про магический свет и повернулась ко мне.

— Ого, — сказала Бринья, замирая. — А ты красивая.

Я моргнула. Вообще-то я привыкла к комплиментам — южане щедры на слова, иногда чересчур, — но от незнакомой девушки, которая только что ворвалась в мою спальню посреди ночи, это прозвучало неожиданно.

— Спасибо, кажется, — осторожно ответила я.

— Нет, правда! — Бринья подошла ближе и принялась разглядывать меня с тем же научным интересом, с каким до этого изучала холодные факелы. — У нас тут все бледные, как простокваша. Волосы — либо белые, либо серые, либо русые, но такие... скучные. А у тебя — медь! Настоящая медь с золотом. И они блестят, даже когда темно. Это магия или природа?

— Природа, — сказала я, невольно дотрагиваясь до пряди. — В моём роду у всех такие.

— А глаза! — продолжала Бринья, совершенно не смущаясь. — Янтарные, да? С золотыми крапинками. У нас таких не бывает. У нас глаза — как вода или лёд. А у тебя — как тёплый мёд. И кожа смуглая. Как будто ты загорала круглый год.

— Я и загорала круглый год. У нас на Юге солнце почти не уходит.

— Везёт, — вздохнула Бринья. — Я тут пыталась загореть однажды. Села у окна, подставила лицо. Через час пошёл снег, и я чихала три дня.

Я рассмеялась. Бринья улыбнулась в ответ, и её лицо стало ещё круглее и веселее.

— А ещё у тебя скулы острые, — добавила она задумчиво. — И рот... ну, ты когда улыбаешься, кажется, что сейчас что-то случится. Либо пожар, либо революция. Наверное, принц поэтому злится.

— В смысле?

— Ну, он привык всё контролировать. А ты... ты выглядишь как человек, которого невозможно контролировать. Ему страшно.

Я хмыкнула. Эта мысль мне понравилась больше, чем хотелось бы признавать.

Бринья тем временем наклонилась и принялась изучать моё правое предплечье, где из-под задравшегося рукава виднелся старый шрам от ожога. Я машинально одёрнула руку, но она уже заметила.

— Ого, — сказала она тихо. — Это магия?

— Детство, — коротко ответила я. — Первая искра. Я не справилась.

— Больно было?

— До сих пор помню.

Бринья кивнула и больше не спрашивала. За это я её зауважала: она умела вовремя замолчать. Вместо расспросов она протянула руку к моему лицу и осторожно, как музейный экспонат, коснулась пальцем моей левой брови.

— Тут шрамик, — сказала она. — Маленький. Рассечение?

— Упала с дерева в детстве. Пыталась достать манго.

— Манго? — её глаза загорелись. — Я никогда не пробовала манго. Оно вкусное?

— Очень. Сладкое, сочное, жёлтое внутри.

— Я выращу манго, — твёрдо сказала Бринья. — Клянусь.

— Оно не выживет на Севере.

— Я заставлю.

Я снова рассмеялась. Бринья засмеялась вместе со мной. Огонёк, которая наблюдала за этой сценой, фыркнула и уткнулась носом в подушку — мол, люди странные.

— Ладно, — сказала наконец Бринья, отступая на шаг. — Я тебя изучила. Теперь давай твои обморожения.

— Настоящие обморожения! Можно потрогать?

— Что?

— У тебя пальцы красные. Это первая стадия обморожения. Дай-ка.

Не дожидаясь разрешения, она схватила мою руку и принялась разглядывать пальцы с таким интересом, будто это были редкие артефакты. Огонёк, которая слезла с кровати и теперь сидела у моих ног, смотрела на незнакомку с подозрением.

— А это она? — спросила Бринья, переводя взгляд на саламандру. — Та самая знаменитая Огонёк?

— Она не знаменитая, она моя.

— Уже знаменитая, — отмахнулась Бринья. — Весь замок говорит о том, как она подпалила трон. Это лучшее, что случилось здесь за последние сто лет. Можно я её поглажу?

— Лучше не надо, она кусается.

— Я не кусаюсь! — возмутилась Бринья. — Ой, ты про саламандру. Поняла.

Я не выдержала и рассмеялась. Бринья оказалась совершенно невыносимой, но в хорошем смысле. От неё веяло теплом, пусть и не магическим, а обычным, человеческим. Она говорила быстро, много и смешно, и это было ровно то, чего мне не хватало в этом ледяном склепе.

— Садись, — сказала я. — Давай свою мазь.

— О! Конечно!

Она усадила меня на кровать и принялась деловито втирать в мои пальцы что-то пахучее и обжигающее. Пахло мятой, мёдом, какими-то незнакомыми травами и ещё чем-то, напоминающим болото. Но через минуту я поняла, что пальцам действительно стало теплее.

— Это моя разработка, — гордо сказала Бринья. — Два года экспериментов. Правда, есть побочный эффект.

— Какой?

— Ну... иногда кожа слегка зеленеет. Но это временно! Наверное.

Я посмотрела на свои пальцы, которые пока не зеленели, и решила, что риск оправдан.

— Ты давно тут живёшь? — спросила я.

— Всю жизнь. Мой отец — кузнец, а мама была травницей. Я пошла в маму. Отец говорит, что я позор семьи, но он шутит. Надеюсь.

— А про принца что скажешь?

— Про Эйнара? — Бринья задумалась. — Он не такой плохой, как кажется. То есть он ужасный, но не совсем. У него было трудное детство.

— У всех было трудное детство, — проворчала я. — Это не повод превращаться в ледяную глыбу.

— Ну, он не просто так превратился. Его мать умерла, когда он был маленьким. Отец замкнулся. А лорд Фрост взял на себя воспитание наследника. Представляешь, каково это — расти под присмотром человека, у которого сердце из того же льда, что и трон?

Я промолчала. Представлять это мне не хотелось.

— И всё равно, — сказала я наконец, — он мог бы чуть-чуть оттаять. Хотя бы на пару градусов.

— Может, ты и поможешь ему с этим, — хитро улыбнулась Бринья. — В конце концов, ты огненная. Разморозить ледяного принца — это буквально твоя работа.

— Я нанималась замуж, а не в печники.

Бринья расхохоталась и чуть не пролила мазь на покрывало. Огонёк, которая до этого сидела с видом оскорблённого достоинства, вдруг подошла к Бринье и обнюхала её туфлю.

— Ой, — сказала Бринья, замирая. — Она меня ест?

— Нет, она тебя изучает. Если бы ела, ты бы уже горела.

— Успокоила.

Саламандра, удовлетворившись осмотром, вернулась ко мне на колени и свернулась там калачиком. Бринья выдохнула с облегчением и снова заулыбалась.

— Слушай, — сказала она, понижая голос, — если тебе что-то понадобится — травы, зелья, просто компания — ты сразу ко мне. Я живу в западной теплице. Там у меня лаборатория и запасы.

— Теплица — это то, что я думаю? — оживилась я. — Там тепло?

— Ну да. Я выращиваю южные травы, так что приходится греть. У меня там даже кактус есть.

— Я приду, — пообещала я. — Завтра же.

— Приходи! — Бринья поднялась. — А сейчас я пойду, пока меня не хватились. У нас тут комендантский час формально, но на меня уже махнули рукой.

Она собрала свои банки и направилась к двери. У порога обернулась.

— Кира, — сказала она уже серьёзно. — Тут не все плохие. Просто холодные. Но если их согреть, они оттаивают. Проверено.

— Даже лорд Фрост?

— Ну, — она замялась, — есть исключения. Но ты поняла.

Она ушла, а я осталась сидеть на кровати, глядя на закрытую дверь. Огонёк на коленях замурлыкала, как кошка, и от неё пошло приятное тепло. Пальцы, смазанные чудо-мазью, действительно перестали болеть. И в комнате вдруг стало чуть менее холодно.

Может, Бринья права. Может, не все здесь плохие. Может, даже ледяной принц — не совсем сосулька. Но проверять я это буду завтра. А сегодня — спать.

Я улеглась поудобнее, укрылась всеми одеялами, какие нашлись, и прижала к себе Огонька. Саламандра тихо засопела, и её огненные перья мягко засветились в темноте. За окном падал снег. А где-то далеко, за тысячи миль отсюда, плескалось тёплое море.

— Ничего, — прошептала я в темноту. — Мы ещё устроим тут южный филиал.

И с этой мыслью уснула.

Глава 3. Этикет как повод убийства

Проснулась я с твёрдым намерением найти в этом ледяном склепе хоть что-то горячее. Если не еду, то хотя бы воду для умывания. Если не воду, то хотя бы полотенце. Если не полотенце, то я лично спущусь на кухню и суну голову в печь.

Огонёк, как всегда, опередила меня. Она уже сидела на подоконнике и смотрела на снег с видом оскорблённой королевы, которой подсунули фальшивые бриллианты. Её чешуя тускло мерцала в скудном утреннем свете, а воротничок из огненных перьев топорщился, как у рассерженного попугая.

— Доброе утро, — сказала я, садясь на кровати. — Ты уже возненавидела этот день?

Саламандра чихнула искрами в сторону окна. Искры ударились о стекло и погасли, оставив микроскопические подпалины.

— Понимаю, — вздохнула я. — Я тоже скучаю по солнцу.

Завтрак мне принесла та же молчаливая служанка. На подносе обнаружились: овсяная каша без намёка на сахар, травяной чай, от которого пахло сеном, и ломоть серого хлеба. Я посмотрела на это великолепие и всерьёз задумалась о том, чтобы отправить Огонька на охоту. Интересно, тут водятся зайцы? Или они все замёрзли насмерть?

— Передайте повару, что я оценила старания, — сказала я служанке. — И ещё передайте, что на Юге каша бывает с мёдом, фруктами и орехами. Просто на случай, если ему интересно расширить кругозор.

Служанка моргнула, кивнула и исчезла за дверью. Кажется, она не поняла, шучу я или нет. Я и сама не была уверена.

Не успела я расправиться с кашей, как в дверь постучали. На этот раз стук был не бойким и энергичным, как у Бриньи, а размеренным, официальным — тук-тук-тук, с паузой между каждым ударом, словно стучавший считал секунды.

— Войдите, — сказала я, ожидая увидеть Ингрид или, может быть, кого-то из слуг.

Дверь открылась, и на пороге возникла женщина, которую я раньше не видела. Высокая, худая, как жердь, с лицом, застывшим в выражении вечного неодобрения. Волосы её были убраны в такой тугий пучок, что, казалось, кожа на лбу натянулась до предела. Платье — серое, строгое, застёгнутое на все пуговицы до самого подбородка. В руках она держала папку с бумагами и тонкую указку, которой, судя по всему, не только указывала, но и била по пальцам.

— Госпожа Кира, — произнесла она голосом, которым можно резать лёд, — меня зовут мадам Хельга. Я назначена вашей наставницей по северному этикету.

— Очень приятно, — соврала я.

— Взаимно, — соврала она в ответ, и наши взгляды скрестились, как клинки. Огонёк на подоконнике наострила уши.

Мадам Хельга прошла в комнату и огляделась с таким видом, будто каждый предмет обстановки лично её оскорбил. Потом перевела взгляд на меня — я всё ещё сидела на кровати в ночной рубашке, с растрёпанными волосами и ложкой в руке.

— Первое правило, — отчеканила она, — госпожа не принимает посетителей в спальне. И тем более не завтракает в постели. Завтрак подаётся в малой столовой. В восемь утра. Ровно.

— Я не знала, — сказала я. — Мне никто не сказал.

— Теперь знаете. Второе правило: госпожа всегда одета соответственно времени суток и месту. Утро — утреннее платье. День — дневное. Вечер — вечернее. Обед — обеденное. Ужин — ужинное.

— А для похода в туалет — туалетное? — не удержалась я.

Мадам Хельга посмотрела на меня так, что я на секунду пожалела о своём вопросе. Но только на секунду.

— Третье правило, — продолжила она, пропуская мою реплику мимо ушей, — госпожа не шутит. Госпожа улыбается ровно настолько, чтобы показать вежливость, но не настолько, чтобы показать зубы.

— А если у меня красивые зубы?

— Это не имеет значения.

— Жаль. Я их специально чистила.

Мадам Хельга прикрыла глаза и сделала глубокий вдох. Кажется, она считала до десяти. Или до ста. Я терпеливо ждала, доедая кашу.

— Итак, — сказала она, открывая глаза, — начнём с поклона. Госпожа встаёт. Госпожа делает шаг вперёд. Госпожа склоняет голову ровно на пятнадцать градусов. Не на десять — это пренебрежение. Не на двадцать — это подобострастие. На пятнадцать.

Я встала. Огонёк прыгнула с подоконника и уселась на кровати, приготовившись смотреть представление.

— Шаг вперёд, — скомандовала Хельга.

Я шагнула.

— Склоняем голову. Пятнадцать градусов.

Я склонила. Примерно. Я не носила с собой транспортир.

— Это двадцать, — отрезала Хельга. — Вы что, не слышите разницу?

— Простите, я не градусник.

— Госпожа не извиняется. Госпожа выражает сожаление.

— Хорошо. Я выражаю сожаление, что я не градусник.

Мадам Хельга снова прикрыла глаза. Огонёк на кровати издала звук, подозрительно похожий на смешок. Саламандра вообще много чего умела, но смеяться, как мне казалось, она научилась специально, чтобы издеваться надо мной в самые неловкие моменты.

Следующие два часа мы отрабатывали поклоны. Потом — приседания в реверансе. Потом — как правильно стоять (пятки вместе, носки врозь, плечи назад, подбородок параллельно полу). Потом — как правильно дышать. Честное слово, она учила меня дышать.

— Дыхание госпожи должно быть неслышным, — вещала Хельга. — Никаких вздохов. Никаких сопений. Госпожа не устаёт. Госпожа не мёрзнет. Госпожа не хочет есть.

— Госпожа хочет убивать, — пробормотала я себе под нос.

— Что вы сказали?

— Я говорю, что госпожа хочет... быть идеальной. Да.

Огонёк к тому времени уже откровенно веселилась. Она лежала на моей подушке, задрала лапки, и пускала дымные колечки. Одно из них попало в мадам Хельгу, и та закашлялась.

— Уберите это... существо, — процедила она, отмахиваясь от дыма.

— Огонёк — не «это существо», — сказала я, чувствуя, как внутри поднимается знакомое пламя. — Она моя саламандра. И она останется.

— Животным не место на уроках этикета.

— Она не животное. Она благородных кровей.

Огонёк, подтверждая мои слова, распушила воротничок и пустила особенно густое кольцо дыма прямо в лицо наставнице. Я мысленно поставила ей пятёрку.

Мадам Хельга побагровела, но сдержалась. Видимо, её учили, что госпожа наставница тоже не показывает эмоций.

— Продолжим, — выдавила она. — Сейчас мы перейдём к искусству беседы.

— О, это я умею, — оживилась я.

— На Севере беседа ведётся иначе. Госпожа не перебивает. Госпожа не спорит. Госпожа не задаёт личных вопросов. Госпожа говорит о погоде, искусстве и добродетелях.

— А если мне неинтересна погода?

— Госпожа притворяется, что ей интересна погода.

— А если мне неинтересно притворяться?

Мадам Хельга посмотрела на меня долгим взглядом, в котором читалось: «За что мне это?»

— Тогда, — сказала она ледяным голосом, — госпожа хотя бы молчит.

— Молчать я умею, — согласилась я. — Но не люблю.

— Это заметно.

В дверь постучали. Я мысленно взмолилась, чтобы это была Бринья с новой порцией чудо-мази, Ингрид с объявлением войны или даже лорд Фрост с покушением — кто угодно, лишь бы прервать эту пытку.

Дверь открылась, и на пороге возник Эйнар.

В комнате мгновенно стало холоднее. Или это мне показалось? Принц был одет в тёмно-синий камзол с серебряной вышивкой, волосы собраны в низкий хвост, плечи обтянуты мехом. Лицо — как всегда, бесстрастное, но глаза... глаза были настороженными. Он скользнул взглядом по мне, по мадам Хельге, по Огоньку, которая тут же надулась и зашипела.

— Ваше высочество, — мадам Хельга изобразила идеальный поклон ровно на пятнадцать градусов. — Мы как раз отработываем основы этикета.

— Я вижу, — сухо сказал Эйнар. — Судя по выражению лица госпожи Киры, основы даются ей с трудом.

— А по-моему, я прекрасно справляюсь, — возразила я. — Я ещё никого не убила.

— Утро только началось.

— Вот именно. У меня ещё всё впереди.

Мадам Хельга, кажется, перестала дышать. Эйнар смотрел на меня с тем же непроницаемым выражением, но уголок его губ чуть дёрнулся. Не улыбка. Даже не намёк на улыбку. Но что-то.

— Я пришёл сообщить, что сегодня в полдень состоится совместное чаепитие, — сказал он. — В малом зале. Присутствие обязательно.

— Чаепитие? — переспросила я. — С вами?

— С королём, мной и членами Совета.

— А, то есть допрос.

— Вам виднее, как это называть.

Он развернулся, чтобы уйти, но задержался у двери.

— Мадам Хельга, — бросил он через плечо, — будьте снисходительны. Госпожа Кира — южанка. Она не привыкла к нашим... температурам.

И вышел. Мадам Хельга проводила его взглядом и снова повернулась ко мне. В её глазах читалось: «Снисходительна? К ней? После того, что я тут пережила?»

Я широко улыбнулась, показав все свои красивые, чистые зубы.

— Продолжим? — спросила я сладким голосом.

Мадам Хельга вздохнула и открыла папку.

К полудню я знала о северном этикете больше, чем хотела бы знать о чём-либо в принципе. Я знала, как кланяться королю (двадцать градусов, но только если он не сидит — если сидит, то пятнадцать). Я знала, как отвечать на приветствия старших по рангу (первой не заговаривать, ждать вопроса, отвечать кратко). Я знала, как держать чашку (за доньшко, а не за ручку — ручка для слуг, вы представляете?).

К концу урока у меня дёргался глаз. У Огонька дёргался хвост. Даже у мадам Хельги, кажется, дёргалась какая-то жилка на виске.

— На сегодня достаточно, — объявила она, собирая бумаги. — Завтра продолжим.

— С нетерпением жду, — сказала я с такой фальшивой улыбкой, что даже Огонёк зажмурилась.

Мадам Хельга ушла, и я рухнула на кровать, раскинув руки. Саламандра тут же забралась мне на живот и уставилась на меня своими бирюзовыми глазами.

— Нет, — сказала я ей, — ты не представляешь. Ты сидела на подушке и пускала дым. А я два часа кланялась невидимым герцогам.

Огонёк чихнула. Искры упали на покрывало, и я машинально затушила их ладонью.

— Ладно, — вздохнула я, вставая. — Пора готовиться к чаепитию. То есть к допросу. То есть к официальной пытке. Выбирай, что больше нравится.

Саламандра склонила голову набок, и я готова была поклясться, что она подмигнула.

Малый зал оказался не таким уж малым. Он был размером с бальный зал на Юге, но скандинавы называли его «малым», видимо, из скромности. Стены здесь были отделаны тёмным деревом, а не льдом, что уже радовало. Окна выходили на замёрзший сад. Посередине стоял длинный стол, сервированный серебром и сияющим ледяным фарфором.

Король Альрик сидел во главе стола. Я впервые увидела его близко и отметила, что он похож на сына, но старше, мягче и устлее. Глаза — того же штормового оттенка, но в них читалась не холодность, а скорее затаённая печаль. Рядом с ним сидел лорд Фрост — бледный, беловолосый, с тонкими губами и взглядом, от которого хотелось вымыть руки. Ещё дальше — несколько членов Ледяного Совета, все как один в серо-голубых одеяниях, похожие на стаю замёрзших пингвинов.

Эйнар стоял у окна, глядя в сад. Когда я вошла, он обернулся, и его глаза скользнули по мне оценивающе. Я была в алом платье — единственном тёплом наряде, который у меня был. На Севере оно смотрелось как вызов. Как пожар в библиотеке. Как крик посреди тишины. Я специально его выбрала.

— Госпожа Кира, — произнёс король, поднимаясь. — Прошу, садитесь. Рады видеть вас в добром здравии.

Я изобразила поклон. Кажется, получилось градусов восемнадцать. Сойдёт.

— Благодарю, ваше величество. Ваш замок... впечатляет.

— Холодноват для южанки? — он позволил себе лёгкую улыбку.

— Есть немного, — согласилась я. — Но я привыкну.

— Уверен, что да. Ваш род всегда славился упорством.

— И огнём, — добавил лорд Фрост, не глядя на меня. — Надеюсь, огонь не станет проблемой.

— Огонь становится проблемой, только когда его пытаются погасить, — ответила я, усаживаясь на указанное место. — Если ему дать гореть спокойно, он только греет.

Лорд Фрост поднял на меня свои бесцветные глаза.

— На Севере огонь часто выходит из-под контроля, — произнёс он тихо. — Поэтому мы предпочитаем лёд.

— Лёд тоже тает, — парировала я. — Если рядом достаточно тепла.

Повисла пауза. Король переводил взгляд с меня на лорда Фроста с интересом, который плохо скрывал. Эйнар у окна не двигался, но я чувствовала его взгляд кожей.

— Что ж, — сказал наконец король, — давайте пить чай.

Чай был горячим. Настоящим, горячим, пахнущим травами и чем-то сладким. Я чуть не застонала от удовольствия, делая первый глоток. Кажется, северяне всё-таки умели греть воду — удивительно, но факт.

Разговор за столом тек медленно и церемонно. Говорили о погоде (разумеется), о предстоящем празднике в честь помолвки, о состоянии дорог. Я отвечала коротко, стараясь не нарушать правила, которые вдолбила мне мадам Хельга. Молчать, улыбаться умеренно, не показывать зубы.

Эйнар сел напротив меня. Наши глаза встретились, и я тут же отвела взгляд, делая вид, что меня очень интересует узор на чашке. Но через минуту снова посмотрела на него. И он смотрел на меня. И отвёл взгляд первым.

— Расскажите о Юге, госпожа Кира, — попросил король. — Я не был там много лет.

— Там тепло, — сказала я. — Море тёплое, солнце тёплое, люди тёплые. Еда острая, музыка громкая, праздники шумные.

— Звучит... утомительно, — заметил лорд Фрост.

— Звучит прекрасно, — возразил король. — Продолжайте.

Я рассказывала о родных островах, о фестивалях огня, о том, как мы встречаем рассвет в середине лета. О том, как пахнет жасмин по вечерам и как светлячки танцуют над водой. Я не заметила, как увлеклась. На Юге рассказывать истории было искусством — чем красочнее, тем лучше. И я не скупилась на краски.

Когда я замолчала, за столом висела тишина. Другая тишина — не враждебная, а задумчивая. Король смотрел в окно, будто видел там не снег, а жасминовые сумерки. Даже лорд Фрост молчал, хотя его молчание было скорее презрительным.

Эйнар поднялся первым.

— Благодарю за компанию, — сказал он ровным голосом. — Госпожа Кира, не проводить ли вас до покоев?

Я удивлённо моргнула. Это было почти... вежливо?

— Да, пожалуйста, — сказала я, вставая.

Мы вышли в коридор. Огонёк, которая всё это время сидела под столом на моих коленях (плевать на этикет), высунула голову и принюхалась. Увидев Эйнара, она надулась, но шипеть не стала — прогресс.

Мы шли молча. Его шаги были неслышными, мои — гулко стучали по камню. Я думала о том, что чаепитие прошло лучше, чем я ожидала. И о том, что Эйнар смотрел на меня. И о том, что у него красивые глаза, когда они не ледяные, а просто задумчивые.

— Вы хорошо говорили, — сказал он вдруг.

Я чуть не споткнулась.

— О Юге, — уточнил он, не глядя на меня. — Я почти увидел его.

— Почти? — переспросила я. — Значит, я плохо рассказывала.

— Значит, я плохо представляю. Я никогда не был на Юге.

Мы остановились у моей двери. Я посмотрела на него. Он смотрел в стену.

— Может, когда-нибудь съездите, — сказала я.

— Может, — ответил он. — Если не замёрзну по дороге.

И ушёл. А я осталась стоять у двери, глядя в его прямую спину, и думала: он что, только что пошутил? Принц Эйнар, Снежный принц без сердца, пошутил?

Огонёк на плече фыркнула и пустила розоватое дымное колечко.

— Не начинай, — предупредила я.

Саламандра застрекотала своим дурацким смехом, и я поняла, что вечер будет долгим.

Глава 4. Гости из древних лесов

Если вы думаете, что самое страшное на Севере — это холод, то вы глубоко ошибаетесь. Самое страшное на Севере — это неожиданные гости, которые приезжают без предупреждения и смотрят на вашего жениха так, будто знают его сто лет.

Весть о прибытии кого-то важного я получила не от Ингрид, не от Бриньи и даже не от мадам Хельги, которая всё равно пришла бы с утра пораньше, чтобы испортить мне день. Я получила её от Огонька.

Саламандра сидела на подоконнике в моей спальне и вдруг зашипела. Не так, как она шипела на магический камин или на пресную кашу. Это был низкий, горловой звук — звук абсолютной, вселенской ненависти. Её огненные перья встали дыбом, чешуя потемнела до угольного оттенка, а из ноздрей вырвались две струйки чёрного дыма.

— Что? — я отложила книгу, которую безуспешно пыталась читать (какой-то северный трактат о добродетелях, усыпляющий на второй странице). — Огонёк, что такое?

Она повернула ко мне голову и чихнула. Искры полетели во все стороны, но не весёлые золотые, как обычно, а колючие, красноватые. Я встала и подошла к окну.

Внизу, во внутреннем дворе, кипела суета. Слуги носились туда-сюда, как муравьи в разорённом муравейнике. Стражники вытягивались в струну. А у ворот стояла карета. Белая. Сияющая. С гербом в виде серебряной лозы, обвивающей полумесяц. И из этой кареты выходила она.

Девушка.

Даже с высоты четвёртого этажа было видно, что она красива. Это была не та красота, которую можно не заметить или списать на удачный наряд. Это была красота, бьющая под дых, как хорошо поставленный удар. Высокая, тонкая, с водопадом платиновых волос, которые струились по спине, как жидкий шёлк. Фарфоровая кожа, не тронутая загаром. И платье — серебристо-голубое, переливающееся в скупом северном свете, как свежеснеженный снег.

— Это ещё кто? — пробормотала я.

Огонёк зашипела громче. Я её прекрасно понимала, хотя причин для вражды пока не знала. Просто... она мне уже не нравилась. Эта незнакомка. С её идеальной осанкой, идеальными волосами и каретой, которая выглядела так, будто её доставили прямиком из сказки.

— Ладно, — сказала я, отходя от окна. — Надо выяснить, кто это такая.

Спускаться вниз сразу я не торопилась. Во-первых, пусть мадам Хельга гордится — я усвоила, что госпожа не бежит. Во-вторых, мне нужно было собраться с мыслями. И с лицом. Лицо должно быть спокойным. Вежливым. С лёгкой, умеренной улыбкой без зубов. Даже если очень хочется их показать. Вместе с кинжалом.

Я подошла к зеркалу. Из отражения на меня смотрела Кира из рода Огненных лордов: медно-рыжие волосы растрёпаны, глаза горят, на щеках — лёгкий румянец (единственное, что согревало в этом климате — злость). Я приладила волосы, одёрнула алое платье и попыталась изобразить ту самую вежливую улыбку. Получился оскал.

— Сойдёт, — сказала я отражению. — Я всё равно не на ярмарке невест. Я сама невеста. Так-то.

Огонёк фыркнула с подоконника, и я предпочла не уточнять, что она имеет в виду.

В дверь постучали. Я открыла — на пороге стояла запыхавшаяся Бринья. Её коса растрепалась ещё больше обычного, на щеке красовалось пятно сажи, а глаза горели тем особенным огнём, который означал: случилось что-то из ряда вон выходящее.

— Ты видела? — выпалила она. — Она приехала!

— Я видела карету, — ответила я. — И какую-то девицу. Кто это вообще?

Бринья округлила глаза.

— Ты не знаешь? Это же Лиранэ! Княжна из дома Серебряной Лозы! Эльфийка!

— Эльфийка? — я нахмурилась. — И что она тут забыла?

Бринья замаялась. Покосилась на меня, потом на Огонька, потом снова на меня. Было видно, что она взвешивает, сколько информации можно выдать, чтобы я не рванула в тронный зал с огненным шаром.

— Ну... — протянула она. — Она... старая знакомая принца.

— Какая именно знакомая?

— Очень старая, — Бринья нервно поправила выбившуюся прядь. — Они знакомы с детства. Их семьи связывали... некоторые договорённости. Но это было давно! Очень давно. И неправда. В смысле, договорённости были, но сейчас-то другое дело!

Я медленно скрестила руки на груди. Огонёк перестала шипеть и теперь смотрела на меня с любопытством. Мол, ну-ка, ну-ка, что ты сейчас скажешь?

— Бринья, — произнесла я ледяным тоном, который сделал бы честь самому Эйнару, — давай-ка поподробнее.

— Ой, — сказала Бринья и стала ещё более взъерошенной. — Ну... её семья и королевская семья Севера... они давние союзники. И когда-то, очень давно, вроде как предполагалось, что Эйнар и Лиранэ... ну... поженятся. Но это было неофициально! И вообще сто лет назад! А потом появился договор с Югом, и всё отменилось. Но Лиранэ, кажется, до сих пор... в общем, она на него смотрит. Как на своё.

— Понятно, — сказала я.

Понятно. Значит, у нас тут не просто гостя. У нас тут бывшая. Ну, или почти бывшая. Или «я-была-тут-раньше-и-никуда-не-уйду».

— Она красивая? — спросила я, хотя уже знала ответ.

— Очень, — честно сказала Бринья. — Но ты тоже красивая! У тебя волосы как медь, глаза как мёд, а у неё... ну, она как сосулька. Красивая сосулька, но сосулька.

— Спасибо, утешила.

Огонёк спрыгнула с подоконника и забралась на моё плечо. Вид у неё был решительный.

— Ладно, — сказала я. — Пойдём знакомиться с... княжной.

В главном холле уже собралась небольшая толпа. Придворные, слуги, стража — все пришли поглазеть на эльфийскую гостью. Она стояла в центре зала, как статуя, которую доставили из музея и забыли распаковать. Вокруг неё сустились служанки с багажом — а багажа было много. Сундуки, шкатулки, какие-то футляры. Интересно, она приехала погостить или переселиться навсегда?

Эйнар уже был здесь. Он стоял рядом с ней и говорил что-то негромким, ровным голосом. Она слушала, чуть склонив голову, и на её губах играла та самая улыбка — нежная, понимающая, «мы-с-тобой-знаем-то-чего-другие-не-знают». У меня внутри что-то дёрнулось. Я назвала это несварением.

— А вот и она, — раздался голос Ингрид, и я поняла, что старуха возникла у меня за спиной в своей излюбленной манере. — Наша южная невеста. Иди, знакомься. Только не подеритесь.

— Я никогда не дерусь, — возразила я. — Я дипломатично конфликтую.

— Ох, — сказала Ингрид и хмыкнула. — Кстати, это Лиранэ из дома Серебряной Лозы. Старая... знакомая семьи. Будь с ней полубезнее. Она тут частый гость.

— Я всегда любезна, — заверила я.

Ингрид посмотрела на меня поверх очков, но комментировать не стала.

Я шагнула в зал. Огонёк сидела на моём плече, распушив воротничок до максимального объёма. Вид у неё был такой, будто она не саламандра, а как минимум боевой дракон, и она прямо сейчас готова испепелить тут всё.

Эльфийка заметила меня сразу. Её фиалковые глаза скользнули по моему лицу, по алому платью, по саламандре на плече — и вернулись к лицу. Ни один мускул не дрогнул. Она была профессионалом.

— А это, должно быть, госпожа Кира, — произнесла она мелодичным голосом, который звучал как капли талой воды. — Я столько о вас слышала.

— Правда? — я подошла ближе и изобразила поклон. Кажется, градусов семнадцать. Мадам Хельга была бы недовольна. — А я о вас, простите...

— Лиранэ из дома Серебряной Лозы, — подсказала она с лёгкой улыбкой. — Мы с Эйнар-ром знакомы очень, очень давно. Можно сказать, всю жизнь.

— Всю жизнь? — я перевела взгляд на Эйнара. — Надо же. Вы мне не рассказывали.

— Не было повода, — ответил Эйнар, глядя куда-то между мной и Лиранэ.

— Ну конечно, — кивнула я. — Зачем невесте знать о старых друзьях?

В воздухе повисло лёгкое напряжение. Лиранэ продолжала улыбаться, Эйнар молчал с каменным лицом, а Огонёк на моём плече тихо, но очень выразительно зашипела.

— Какое у вас... необычное украшение, — заметила Лиранэ, глядя на саламандру. — Это живое?

— Это Огонёк, — представила я. — Моя саламандра. Благородных кровей.

— Какая прелесть, — произнесла Лиранэ, но её глаза говорили совсем другое. — Я читала о таких. Они, кажется, плюются огнём?

— Когда нервничают, — подтвердила я. — Или когда чувствуют фальшь.

Лиранэ на мгновение замерла. Совсем чуть-чуть. Но я заметила.

— Надеюсь, она не будет нервничать в моём присутствии, — сказала она ещё мелодичнее.

— Будем надеяться, — улыбнулась я во все зубы. Плевать на этикет.

Эйнар кашлянул.

— Госпожа Лиранэ, вас уже проводили в ваши покои?

— Ещё нет, — она повернулась к нему, и её лицо сразу смягчилось. — Я ждала тебя. Ты ведь сам сказал, что покажешь мне новое крыло.

Я подняла бровь. Сам сказал. Покажешь замок. Интересно.

— Я покажу, — сказал Эйнар ровно. — Позже. Сейчас прошу прощения — дела.

И он ушёл. Просто развернулся и ушёл. Лиранэ проводила его взглядом, и на её лице промелькнуло что-то, чего я не успела прочесть. Потом она снова улыбнулась — вежливо, безупречно — и кивнула мне.

— Что ж, тогда я распоряжусь насчёт багажа. Приятно было познакомиться, госпожа Кира.

— Взаимно, — сказала я.

Мы обе понимали, что это ложь.

Обед в честь прибытия княжны устроили в той же малой столовой. На этот раз за столом сидели: король (с вежливым интересом), лорд Фрост (с ледяным удовлетворением — кажется, он наслаждался ситуацией), несколько членов Совета, Лиранэ, Эйнар и я.

Лиранэ сидела рядом с Эйнаром. По правую руку. На месте, которое, вообще-то, должна была занимать невеста. Я сидела напротив и медленно закипала.

— Вы пробовали северные ягодные соусы? — спросила Лиранэ, накладывая себе что-то бледно-фиолетовое. — Они восхитительны. Эйнар, помнишь, как мы детьми собирали клюкву на болотах?

— Помню, — ответил Эйнар коротко.

— Он тогда провалился в трясину, — продолжала Лиранэ, смеясь серебристым смехом, — и я тащила его за шиворот. Мы оба вымокли до нитки.

— Забавно, — сказала я, хотя мне было ни капли не забавно. — А у нас на Юге дети собирают ракушки. И никто не тонет.

— У вас, наверное, совсем другое детство, — кивнула Лиранэ. — Беззаботное.

— Не совсем. Я однажды упала с дерева. Рассекла бровь. Шрам до сих пор видно.

Я повернула голову, показывая маленький шрамик. Лиранэ посмотрела на него, и на мгновение её улыбка стала чуть менее идеальной.

— Шрамы украшают, — заметила она.

— Вот и я так думаю. А у вас есть шрамы?

— У меня — нет, — ответила она с лёгкой заминкой. — Я предпочитаю не падать с деревьев.

— Понимаю. Деревья — это опасно. Особенно манговые.

Эйнар смотрел в свою тарелку. Я видела, как дёрнулся уголок его рта. Неужели опять? Неужели он почти улыбнулся? От моего идиотского рассказа про манго?

Лорд Фрост нарушил тишину:

— Госпожа Лиранэ, как поживают Древние Леса?

— Благодарю, процветают, — отозвалась она. — Магия Серебряной Лозы сильна как никогда. Надеюсь, союз Севера и Лесов не ослабнет.

— Союз скреплён веками, — кивнул лорд Фрост. — И, разумеется, новыми... обстоятельствами.

Он посмотрел на меня. Прямо. С вызовом. И я поняла: он напоминает мне, что я чужая. Что Лиранэ — своя. Что Эйнар и княжна связаны историей, которой у меня никогда не будет.

Я отложила вилку.

— Простите, — сказала я, вставая, — мне что-то душно.

В зале повисла тишина. Душно. На Севере. Я понимала, как это звучит, но мне было всё равно. Я развернулась и вышла.

В коридоре я прижалась лбом к холодной каменной стене и закрыла глаза. Сердце колотилось где-то в горле. Я злилась. На Лиранэ — за её идеальность. На лорда Фроста — за его намёки. На Эйнара — за то, что он сидел и молчал, как ледяной истукан. На себя — за то, что позволила какой-то эльфийской девице выбить меня из колеи.

— Это не ревность, — сказала я вслух. — Это просто... несварение. От клюквы.

— Клюква тут ни при чём, — раздался голос, и из-за угла вывернула Бринья. Она держала в руках очередную банку с чем-то дымящимся. — Ты ревнуешь.

— Я не ревную! Я её даже не знаю!

— И тем не менее ревнуешь, — сказала Бринья, беря меня под руку. — И это нормально. Лиранэ специально приехала, чтобы тебя позлить. Она это умеет.

— Зачем? Я ей ничего не сделала.

— Ты заняла место, которое она считала своим. Понимаешь? Она и Эйнар с детства... ну, все думали, что они будут вместе. А тут появляешься ты. Огненная, дерзкая, с саламандрой. И она не понимает, как с тобой конкурировать. Вот и использует старые воспоминания.

— Это сработало, — признала я.

— Потому что ты позволила.

Я промолчала. Бринья была права. Я позволила какой-то эльфийке с платиновыми волосами выбить меня из равновесия. Я, Кира из рода Огненных лордов, которая плевала на авторитеты и не боялась ничего.

В теплице, куда мы пришли, было тепло и пахло влажной землёй. Я опустилась на деревянную скамью и позволила себе расслабиться. Огонёк, которую Бринья каким-то образом прихватила из спальни, сидела на грядке с какими-то травами и грелась под магической лампой.

— Знаешь, — сказала Бринья, садясь рядом и вручая мне чашку с отваром, — Лиранэ не злая. Она просто привыкла получать то, что хочет. А сейчас она хочет вернуть то, что потеряла. Или думает, что потеряла.

— Она потеряла или нет? — спросила я, делая глоток. Отвар был горьковатый, но тёплый.

— Эйнар ей ничего не обещал, — твёрдо сказала Бринья. — Это были разговоры родителей. Она сама напридумывала. А он... ну, ты же видела. Он вообще не из тех, кто что-то обещает. Он из тех, кто молчит и делает вид, что ничего не происходит.

— Это я уже заметила.

— Так вот, — продолжала Бринья, — Лиранэ сейчас будет пытаться показать, что она лучше. Что она своя, а ты чужая. Что у них общее прошлое, а у тебя — только договор. Но это всё ерунда.

— Почему?

— Потому что прошлое — это прошлое. А ты — это настоящее. И будущее. Если захочешь.

Я допила отвар и задумалась. Бринья была права. Я не должна была уходить с обеда. Это выглядело как поражение. Но я хотя бы не швырнула в Лиранэ огненным шаром. Уже достижение.

— Завтра, — сказала я, возвращая чашку, — я буду другой.

— Какой?

— Вежливой. Спокойной. С идеальными поклонами и без зубов.

Бринья прыснула.

— Это будет страшно, — сказала она. — Я приду посмотреть.

Вечером я сидела на подоконнике в своей спальне и смотрела на снег. Огонёк лежала у меня на коленях и тихо мурлыкала. За дверью было тихо. Замок засыпал.

Дверь открылась без стука. Я обернулась, готовая высказать всё, что думаю о местных манерах, и замерла.

На пороге стоял Эйнар. Без камзола, в простой рубашке с расстёгнутым воротом. Волосы были распущены и падали на плечи серебристыми прядями. Он выглядел... по-другому. Менее статуей. Более живым.

— Вы не спите, — сказал он.

— Я не сплю, — согласилась я.

Пауза. Огонёк подняла голову, но шипеть не стала. Только насторожилась.

— Я хотел извиниться, — произнёс Эйнар, и каждое слово давалось ему с видимым трудом. — За обед. Лиранэ бывает... настойчивой.

— Настойчивой? — я приподняла бровь. — Она пыталась выставить меня дурой.

— Она пыталась выставить себя лучшим выбором, — поправил он. — Это другое.

— А вы? Какой выбор делаете вы?

Он смотрел на меня. Молчал. Его глаза в полумраке комнаты казались не голубыми, а серыми, как штормовое море.

— Я не делаю выбор, — сказал он наконец. — Выбор уже сделан. Советом. Королём. Договором.

— А сердцем?

Он не ответил. Но и не ушёл. Стоял и смотрел на меня, а я смотрела на него, и Огонёк на коленях перестала мурлыкать, и воздух между нами стал плотным, как перед грозой.

— Лиранэ — друг нашей семьи, — сказал он вдруг. — Но не больше. Что бы она ни говорила.

Я моргнула. Это было... неожиданно. Почти откровенно.

— Зачем вы мне это говорите? — спросила я тихо.

— Потому что я видел ваше лицо. За столом. Когда она рассказывала про клюкву.

Я промолчала. Огонёк на коленях тихо застрекотала.

— Спокойной ночи, госпожа Кира, — сказал он.

— Спокойной ночи, ваше высочество.

Дверь закрылась. Я выдохнула и посмотрела на Огонька. Саламандра пустила розоватое дымное колечко.

— Не начинай, — прошептала я. — Просто не начинай.

Но сердце колотилось, а на губах сама собой появлялась дурацкая улыбка. Та самая, с зубами. Которую мадам Хельга строго-настрого запретила.

И где-то глубоко внутри я знала: Лиранэ — это только начало. Настоящая битва ещё впереди.

Глава 5. Спасибо, что живой

Три дня после приезда Лиранэ я держалась. Честное слово, держалась. Улыбалась умеренно, кланялась примерно на пятнадцать градусов, не показывала зубы и даже пыталась дышать неслышно. Мадам Хельга, думаю, где-то в глубине души мной гордилась. В очень большой глубине. Там, куда свет не проникает.

Но на четвёртый день моё терпение лопнуло. И не из-за Лиранэ — она как раз вела себя безупречно-отвратительно: улыбалась, ворковала, трогала Эйнара за рукав при каждой возможности и отпускала комплименты, от которых хотелось чистить уши. Нет, моё терпение лопнуло из-за холода.

Понимаете, на Юге есть такая вещь, как солнце. Оно встаёт по утрам, греет, светит и вообще ведёт себя прилично. На Севере солнце — это мифическое существо, в которое верят старухи и дети. Утром тут просто становится чуть менее темно. Серое небо, серый снег, серые люди. И температура. Температура, от которой даже Огонёк начинала чихать не искрами, а каким-то жалким дымком.

Я стояла во внутреннем дворе, кутаясь в три слоя меха, и смотрела, как слуги разгружают очередную телегу. Вдыхала морозный воздух, от которого першило в горле, и думала о том, что ещё два с половиной месяца в этом ледяном аду — и я либо свихнусь, либо изобрету способ обогревать целые королевства.

— Госпожа Кира, вы простудитесь, — раздался голос у меня за спиной.

Я обернулась. Эйнар. В своём неизменном тёмно-синем камзоле, с мехом на плечах и лицом, выражающим ровно ничего.

— Спасибо за заботу, — сказала я. — Но я не простужусь. Я огненная. У меня внутри печка.

— Печка может погаснуть.

— Это метафора или намёк?

Он не ответил. Просто встал рядом и тоже уставился на телегу. Мы молчали. Я дышала в меховую воротник, он дышал ровно и спокойно, будто мороз был для него лучшим другом. Может, так и было.

— Вам не обязательно стоять тут со мной, — заметила я.

— Я знаю.

— Тогда зачем?

— Не знаю.

Я покосилась на него. Он по-прежнему смотрел на телегу, но мне показалось, что уголок его рта чуть приподнят. Или это тень так упала. Или у меня начались галлюцинации от холода.

— Вы странный, — сказала я.

— Вы тоже.

— Я хотя бы тёплая.

Он повернулся ко мне, и что-то в его глазах изменилось. Не потеплело — рано. Но лёд стал... тоньше? Прозрачнее?

— Да, — сказал он тихо. — Тёплая.

И ушёл. Просто развернулся и ушёл, а я осталась стоять, переваривая это короткое слово, как будто оно было не прилагательным, а чем-то большим. Огонёк, которая сидела у меня на плече под меховым плащом, высунула голову и пустила розоватое дымное колечко.

— Даже не начинай, — прошептала я.

Ближе к обеду Ингрид вызвала меня в библиотеку. «Есть разговор», — сказала она коротко, и у меня внутри что-то сжалось. Обычно разговоры с таким предисловием не предвещают ничего хорошего.

Библиотека Ледяного замка была единственным местом, которое мне здесь по-настоящему нравилось. Огромная, в три этажа, с тёмными деревянными стеллажами и лестницами на колёсах. Пахло старыми книгами, воском и чуть-чуть — магией. Холодные факелы тут не горели, вместо них использовали свечи — настоящие, тёплые, с живым пламенем. Видимо, книги бергли больше, чем гобелены.

Ингрид ждала меня у камина. Она сидела в кресле, закутанная в свои бесчисленные шали, и вязала что-то длинное и полосатое.

— Садись, — сказала она, кивая на соседнее кресло. — Разговор долгий.

Я села. Огонёк спрыгнула с моего плеча и немедленно принялась исследовать книжные полки.

— Ты уже поняла, что замок — не просто куча камней? — спросила Ингрид, не отрываясь от вязания.

— Поняла. Это куча ледяных камней.

— Юмористка. Я серьёзно. Замок стоит на древней магии. Она в стенах, в троне, в факелах. И в Сердце Вьюги.

Я насторожилась.

— Что такое Сердце Вьюги?

— Древний артефакт, — Ингрид перевернула вязание и начала новый ряд. — Когда-то, много веков назад, Ледяное королевство не было ледяным. Тут рос лес, текли реки, водились звери. Но один из первых королей возжелал вечной зимы. Думал, она сделает его непобедимым. И создал Сердце Вьюги — артефакт, который заморозил всё вокруг.

— И что случилось с королём?

— Превратился в ледяную статую. До сих пор стоит где-то в подземельях. А проклятие осталось. Ледяной трон требует холода. Если он когда-нибудь растает — королевство падёт.

Я слушала, забыв дышать. Вот, значит, в чём дело. Не просто брак по договору, не просто политика. Магия. Древняя, тёмная и, судя по всему, опасная.

— А я тут при чём? — спросила я.

— Ты огненная, — Ингрид наконец подняла на меня глаза. — Твоя магия — единственное, что может растопить Сердце Вьюги. Или, наоборот, разбудить его. Смотря как использовать.

— И Совет решил использовать меня?

— Совет решил связать тебя с Эйнармом, чтобы контролировать. Но есть те, кому это не нравится.

— Лорд Фрост?

Ингрид кивнула.

— Он служит Вьюге. Считает, что вечная зима — благо. И он сделает всё, чтобы невеста принца не дожидая до свадьбы.

У меня внутри всё похолодело. И это не было связано с погодой.

— Почему вы мне это рассказываете? — спросила я тихо.

— Потому что ты должна быть готова. Я не смогу защитить тебя везде.

Огонёк вернулась с исследовательской миссии и запрыгнула ко мне на колени. Чешуя её потемнела до угольного оттенка — она чувствовала моё напряжение.

— Спасибо, — сказала я. — За предупреждение.

Ингрид хмыкнула и снова уткнулась в вязание.

Вечером того же дня я решила пройтись по замку. Не из любопытства, а из потребности размять ноги и проветрить голову. После разговора с Ингрид мысли крутились, как белки в колесе. Лорд Фрост хочет моей смерти. Сердце Вьюги может проснуться. Моя магия — ключ ко всему. А мой жених всё ещё смотрит на меня, как на стихийное бедствие.

Я шла по открытой галерее, соединявшей восточную башню с центральным дворцом. Снег падал крупными хлопьями, засыпая каменный пол. Ветра не было, только тишина и белизна. Огонёк сидела на плече и ловила ртом снежинки — единственное развлечение, которое она тут находила.

Я не услышала шагов. Я вообще ничего не услышала, пока сверху не раздался треск.

Лёд. Огромная ледяная глыба, сорвавшаяся с крыши. Она падала прямо на меня — я поняла это в долю секунды, но сделать ничего не успела. Ноги будто приросли к полу. Огонёк на плече взвизгнула. А потом...

Мир взорвался холодом. Ледяная стена выросла передо мной за одно мгновение, заслоняя от глыбы. Сосулька ударилась в неё и разлетелась на тысячу осколков. А меня дёрнули за плечо, оттаскивая в сторону, и я упала на каменный пол, чувствуя, как на спину опускается что-то тяжёлое.

Я открыла глаза. На мне лежал Эйнар. Закрывая меня собой, пока ледяные осколки градом сыпались вокруг. Его лицо было совсем близко — я видела каждую ресницу, каждую пору на коже, каждую каплю крови, которая текла из пореза на его щеке.

— Вы живы? — спросил он, и голос у него был не ледяной. Напряжённый. Живой.

— Жива, — выдохнула я. — А вы?

— Тоже.

Он поднялся и протянул мне руку. Я приняла её, чувствуя, как колотится сердце. От страха, да. Но не только. Огонёк металась рядом, чихая искрами и шипя на осколки льда. С ней всё было в порядке.

— Кто это сделал? — спросила я, отряхиваясь.

— Понятия не имею, — сказал Эйнар, но глаза его потемнели. — Пойдёмте внутрь. Быстро.

Он взял меня за локоть и повёл прочь. Я не сопротивлялась.

В моей спальне мы оказались через несколько минут. Эйнар осмотрел помещение, проверил окна, дверь и только потом позволил себе остановиться. Кровь на его щеке уже застыла тонкой красной полоской, но он, кажется, этого не замечал.

— Вы ранены, — сказала я.

— Пустяки.

— Сядьте.

Он посмотрел на меня удивлённо, но сел. Я открыла сундук, куда Бринья натаскала мне целую аптечку, и достала чистую ткань и одну из её чудо-мазей.

— Не дёргайтесь, — предупредила я, подходя.

— Я не дёргаюсь.

— Вот и хорошо.

Я наклонилась и осторожно промокнула порез. Эйнар сидел неподвижно, как та самая ледяная статуя из легенды, но я чувствовала его взгляд. Он смотрел на меня. Прямо. И в этом взгляде было что-то, чего я раньше не видела.

— Вы могли погибнуть, — сказал он тихо.

— Но не погибла.

— Благодаря случаю. Я проходил мимо.

— Вы часто проходите мимо галереи в это время?

Он промолчал. Я промокнула порез мазью и отстранилась. Огонёк сидела на подушке и смотрела на нас обоих, склонив голову набок.

— Кто-то хочет моей смерти, — сказала я. — И это не случайность.

— Я знаю.

— И кто же?

— Тот, кому не нравится наш брак. Тот, кто служит Вьюге.

— Лорд Фрост?

Эйнар сжал челюсти.

— У меня нет доказательств.

— Но вы знаете.

— Подозреваю.

Я отошла к окну и посмотрела на падающий снег. Сердце всё ещё колотилось, но страх уступал место злости. Кто-то пытался меня убить. Кто-то сбросил на меня ледяную глыбу. А мой жених, который меня вроде бы терпеть не мог, закрыл меня собой.

— Спасибо, — сказала я, не оборачиваясь.

— За что?

— За то, что спасли. И за то, что не дали мне замёрзнуть в первую ночь. Я ведь видела плащ утром.

Тишина. Потом его голос:

— Я не хотел, чтобы вы замёрзли.

— Почему? — я обернулась. — Вам же всё равно?

Он встал. Высокий, прямой, с этой дурацкой ледяной маской на лице. Но маска трескалась. Я видела это.

— Мне не всё равно, — сказал он. — И это меня пугает.

Он вышел. А я осталась стоять, глядя на закрытую дверь, и Огонёк на подушке пустила очередное розоватое колечко.

— Знаю, — сказала я ей. — Сама в шоке.

Ночью я не могла уснуть. Лежала в темноте, смотрела в потолок и прокручивала в голове весь день. Ингрид с легендой о Сердце Вьюги. Ледяная глыба. Эйнар, закрывающий меня собой. Его слова: «Мне не всё равно. И это меня пугает».

Я повернулась на бок и уставилась на Огонька. Саламандра спала, свернувшись клубком на соседней подушке. Её чешуя мягко светилась в темноте, как тлеющие угли.

— Что мне делать, а? — прошептала я.

Огонёк приоткрыла один бирюзовый глаз, фыркнула и снова заснула.

— Очень полезный совет, — вздохнула я.

За окном падал снег. А где-то в замке, я знала, лорд Фрост плетёт свои интриги. Лиранэ плетёт свои. А Эйнар... Эйнар сидит где-то и, может быть, тоже не спит. И, может быть, тоже думает обо мне.

Я закрыла глаза и позволила себе крошечную, глупую улыбку. Всего на секунду. Пятнадцать градусов, не больше. Мадам Хельга не узнает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.